

грамадстве архіўныя сведчанні губляюць свой бездакорны статус крыніц аб'ектыўнай інфармацыі. У супрацьвагу гэтаму менавіта створаная пісьменніцкай мастацкай рэальнасць набывае гістарычную каштоўнасць як адна з мажлівых версій «таго, што магло быць».

Такім чынам, «рэальны вымысел» у творах Э.-Э. Шміта і Л. Рублеўскай зыходзіць з імкнення перастварыць рэальнасць сучаснага чалавека. Пэўная розніца ў стратэгіях французскага і беларускага аўтараў тлумачыцца камунікатыўнай устаноўкай кожнага з іх. Шміт не абцяжарвае маркёры рэальнасці прывязкай да пэўных каардынат — на першы план для французскага пісьменніка выходзіць сэнс экзістэнцыяльных пошукаў яго герояў, а не іх месца і час (яго «рэальны вымысел» не ўкаранёны ў гістарычныя, геаграфічныя, нацыянальна-культурныя абставіны), то бок ён свядома выходзіць на ўніверсальны чалавечы досвед (што асабліва яскрава выяўляецца ў яго «Цykle нябачнага», прысвечаным сусветным рэлігіям). Л. Рублеўская ж стварае ўласны нацыянальна-гістарычны міф з разлікам найперш на беларускага чытача, і гэта абумоўлена гістарычнымі і культурнымі запатрабаваннямі часу: нам патрэбна адчуванне гісторыі, патрэбна разуменне, хто мы і адкуль мы.

Літаратура

1. Шмид, В. Нарратология [Электронный ресурс] / В. Шмид. — 2009. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/index.php. — Дата доступа: 27.04.2013.
2. Кар, Д. История, художественная литература и человеческое время [Электронный ресурс] / Д. Кар // Философия и общество. Выпуск № 1 (61). — 2011. — Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/131881/>. — Дата доступа: 10.10.2013.
3. Виар, Д. Литература подозрения: проблемы современного романа / Д. Виар / Иностранная литература. — 2012. — №11. — С. 257–269.
4. Киреева, Н. В. Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики / Н. В. Киреева. — Благовещенск, 2013.
5. Серебрякова, Л. В. Роман-апокриф как литературный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Л. В. Серебрякова. — Екатеринбург, 2012.
6. Шміт, Э.-Э. Евангелле паводле Пілата / Э.-Э. Шміт. — Мінск, 2012.
7. «Сутарэнні Ромула» прэзентавалі ў кнігарні «логвінаў» [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://lit-bel.org/by/news/3048.html>. — Дата доступа: 15.09.2013.
8. Рублеўская, Л. Сутарэнні Ромула / Л. Рублеўская // Сутарэнні Ромула: раманы / Л. Рублеўская. — Мінск, 2012. — С. 245–517.

Анна Завадская (Мінск)

МЕЖТЕКСТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАГМЕНТОВ БИБЛИИ И РОМАНА М. ТУРНЬЕ «КАСПАР, МЕЛЬХИОР И БАЛЬТАЗАР»

В романе современного французского писателя М. Турнье «Каспар, Мельхиор и Бальтазар» представлены аспекты прихода в мир, жизни и учения Господа Иисуса Христа, воспринятые через призму видения мира четырех волхвов-царей, главных персонажей.

Важное место в произведении отведено библейским реминесценциям и аллюзиям, всевозможным параллельным синтаксическим конструкциям и пара-

фразам, а также именам собственным и топонимам, имеющими происхождение из книг Ветхого и Нового Заветов.

Автор, целиком основываясь на библейских событиях, додумывает и интерпретирует их по-своему в границах пространственно-временной соотнесенности с пространством мифа о волхвах. Язык повествования в сочетании с системой образов и элементами композиции служит раскрытию проблематики произведения, исполненного глубокого философского значения, формируя тем самым «новый смысл» библейской истории.

Так, например, драматизм жизненной коллизии одного из волхвов, темнокожего царя Каспара, безответно влюбившегося в белую рабыню, раскрывается через обращение к широко известной фразе из библейской книги «Песни Песней», которую произносит одно из четырех действующих лиц, прекрасная пастушка (по некоторым версиям библейских исследователей), лицо которой потемнело от загара из-за длительного пребывания на солнце. Выражение, которое она обращает к людям, призвано отразить двойственность ее состояния в глазах других: «Je suis noire, moi, mais jolie» [3; Cantique des Cantiques 1; 5] («Черна я, но красива» [1; Песнь Песней 1; 4]).

М. Турнье делает из цитаты парафразу с целью также показать дуалистичную природу некоторых героев его романа, их амбивалентное положение в системе человеческих ценностей, приводящее подчас к трагическому разладу в отношениях с окружающими.

Данная конструкция употребляется в тексте трижды. Первый раз по отношению к волхву Каспару: «Je suis noir, mais je suis roi» [4, с. 9] («Черен я, но я царь») [2, с. 5]. Второе упоминание относится к его белокурой рабыне Бильтине, не ответившей от всего сердца на его любовь. Автор вводит в текст размышление о низком социальном статусе героини, не соответствующем благородной привлекательности внешнего облика: «Je suis esclave, mais je suis blonde» [4, с. 28] («Рабыня я, но у меня белая кожа») [2, с. 29].

И, наконец, почти такой же парафразой, только скрытой, начинает свой рассказ принц Мельхиор, которого лишили естественного права на руководство страной и царских регалий: «Je suis roi, mais je suis pauvre» [4, с. 87] («Я царь, но я беден») [2, с. 97].

Скрытая аллюзия на 6 стих 129 псалма обнаруживается даже при поверхностном чтении текста: «Mais le coeur pur n'espère pas la venue du Sauveur avec moins de confiance que le soldat de garde sur les remparts attendant le lever du soleil» [4, с. 17]*. Подобное место в Псалтири: «Mon ame désire le Seigneur, plus que la garde ne désire le matin, plus que la garde le matin» [3; Psaume 129:6]**.

Загадочный старик, встретившийся на пути Каспара, дает поэтическое описание солнцу, в котором также нельзя не заметить отголоски 18 псалма Давида: «Là-bas, Dieu a dressé une tente pour le soleil...D'un bout du ciel il surgit,

---

*Но чистое сердце уповает на приход Спасителя с такой же надеждой, с какой часовой на валу ожидает восхода солнца [2, с. 15].

**Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра, более, нежели стражи — утра [1, Псалом 129: 6].

il vire a l'autre bout, et rien n'échappe a sa chaleur» [3; Psaum 18: 5, 7]*. У М. Турнье: «Le soleil... Depuis un demi-siècle que je me sou mets à sa grande et terrible loi, sa course d'un horizon à l'autre est le seul mouvement que je tolère» [4, с. 17]**.

Подчас в повествовании встречаются и стилистические казусы, «модернизирующие» его. Так, с уст царя Каспара, живущего в I-ом веке нашей эры, слетает фраза, уместная по смыслу для человека из двадцатого столетия: «Les préparatifs de notre départ agirent sur moi comme une cure de jeunesse et de force». [4, с. 35]***. «Приготовления к отъезду взбодрили меня так, словно я прошел курс омоложения и физической тренировки». Впрочем, мы полагаем, что это неслучайные нестыковки, возможно они призваны отразить не столько «полет» фантазии переводчика, сколько саму установку художественного манеры М. Турнье, ее «игровую» природу.

В другом фрагменте текста предсказатель Барка Май объясняет царю Каспару смысл такого природного явления, как возникновение кометы в их звездном небе. В его толковании четко угадывается аллюзия на ветхозаветную книгу Бытие (история об Иосифе, который разъяснил египетскому фараону его собственный сон). Правителю из Египта снились тощие и тучные коровы, Иосиф же проинтерпретировал время плодородия и урожая через символику семи тучных коров, а года голода и неурожая в образе семи тощих коров: «И сказал фараон Иосифу: мне снилось: вот, стою я на берегу реки; И вот, вышли из реки семь коров тучных плотью и хороших видом (*sept vaches bien en chaire et belles de forme*) и паслись в тростнике; Но вот, после них вышли семь коров других, худых, очень дурных видом и тощих плотью (*maigres, tres vilaines de forme et malingers*)» [1; Бытие 41:2–3]. Соответственно, М. Турнье пишет: «Et les vaches maigres ne preparent-elles pas regulierement des annees de vaches grasses?» [4, с. 10]. («И разве тощие коровы не предшествуют времени тучных коров?») [2, с. 6]. Правда, у писателя тощие коровы предшествуют тучным, а в Библии иная хронология.

Скромный по своим масштабам эпизод из евангелия от Матфея, повествующий о поклонении трех волхвов родившемуся Спасителю, на протяжении многих столетий «обрастал» яркими деталями, дополнениями и фактами, вряд ли имевшими место в реальности. Все уже досказанное и описанное в апокрифической литературе, по сути, давно превратилось в миф, в XX в. изумительно «отшлифованный» и по-авторски интерпретированный собирателем сказаний и легенд, французским писателем М. Турнье. Интертекстуальный диалог романа М. Турнье с различными частями Ветхого

---

*Он поставил в них жилище солнцу... От края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его. [1, Псалом 18:5, 7].

**Солнце... С тех пор как вот уже полвека я подчиняюсь его великому и грозному закону, путь его от одного края неба до другого — единственное движение, которое я признаю [2, с. 15].

***Приготовления к отъезду взбодрили меня так, словно я прошел курс омоложения и физической тренировки [2, с. 37].

Завета составляет неповторимое стилистическое полотно, погружающее читателя в атмосферу древних библейских событий.

Литература

1. Библия (в Синодальном переводе, с комм. Ч. И. Скоуфилда). — Изд-во Миссионерского Славянского общества, 1988.
2. Турнье, М. Каспар, Мельхиор и Бальтазар / М. Турнье. — СПб.: Амфора, 2005. — 317 с.
3. La Bible. L'Ancien et le Nouveau Testament. — Alliance biblique universelle le CERF, 1992. — 1861 p.
4. Tournier, M. Gaspard, Melchior et Balthazar / M. Tournier. — P., Folio/Gallimard, 1980. — 277 p.

Елена Климович (Минск)

ОГРАНИЧЕНИЕ И КЛИНАМЕН В ЭСТЕТИКЕ УЛИПО

Ограничение и клинамен — ключевые концепты литературно-математической группы УЛИПО, основанной в 1960 г. Рэмоном Кено и Франсуа Ле Лионне. УЛИПО — Мастерская потенциальной литературы (фр. *Ouvroir de littérature potentielle*), и члены группы (М. Бенабу, Ж. Жуэ, Ж. Кеваль, Ж. Лескюр, Ж. Перек, П. Фурнель, А.-М. Шмидт и др.) работают над потенциальностями, совмещая литературу и математику, изучая историю экспериментальной литературы. Таким образом, улипийская литература — это литература формальных ограничений. При этом существование вдохновения категорично отрицается, а писатель «превращается в крысу», создающую лабиринт из слов, фраз, глав, книг и стремящуюся найти из этого лабиринта выход [6, с. 32].

В Третьем Манифесте Франсуа Ле Лионне выделяет три фазы творчества: две теоретические (изучение всевозможных математических теорем и формул с последующим отбором эффективных структур) и одну практическую (собственно творчество с использованием ограничений) [3, с. 798–799]. Т. Бонч-Осмоловская в этой связи отмечает: «Улиписты придерживались мнения, что тщательное изучение и доскональное понимание грамматики творчества есть насущная потребность поэта (музыканта, художника, etc.), стимулирующая и подстегивающая его творчество» [1, с. 546].

Ограничение предполагает использование неких формальных правил при написании произведения. По большому счету, все поэтическое искусство уходит корнями в ограничения, некоторые из которых (анаграммы, липограммы, палиндромы, хронограммы) со временем приобрели универсальный характер. Их применение в различных национальных литературах является неоспоримым фактом. Многочисленные ограничения, как ранее существовавшие, так и вновь изобретенные улипистами, классифицируются и оформляются в таблицу Кенолеева (по аналогии с таблицей химических элементов Менделеева).

Будучи одновременно и средством и результатом, ограничение становится своего рода катализатором и стимулом творчества. При этом текст, написанный с использованием ограничения, повествует об этом ограничении, а текст, написанный с использованием математизированного ограничения, как